

УДК 94(47+57):338.24.021"1965"

**ТЕМА «РЕФОРМА 1965 Г. КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ПОЗДНЕЙ СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЫ»
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

С. Е. Мишенин

**«1965 REFORM OF AS THE FACTOR OF DEVELOPMENT OF LATE SOVIET SYSTEM»
IN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY**

S. E. Mishenin

Статья посвящена выяснению точек зрения на роль реформы 1965 г. в развитии экономики СССР. Автор обращает внимание на периодизацию реформирования экономики и роль в этом процессе решений сентябрьского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС на момент перехода реформирования советской системы в зарождение элементов (предпосылок) постсоветского состояния. Автор связывает формирование точек зрения с логикой развития отечественной истории.

Принципиальный вывод автора заключается в том, что он наиболее убедительной считает точку зрения о провальности модели реформирования советского общества с 1965 г. как наиболее убедительной на начало 2000-х гг. Другое дело, что на 1965 г. публичное общественное сознание не смогло выдвинуть здоровой альтернативы.

The paper is devoted to revealing Russian historians' points of view on the role of the 1965 reform in the development of the USSR economy. The author pays attention to the periodization of the USSR economy reform and to the role that the resolutions of the Plenum of the CPSU Central Committee of September 1965 played in this process. The author connects the formation of the historians' points of view with the logics of Russian history development.

The author's essential conclusion is that the most convincing point of view by the early 2000s is that the model of the Soviet society's reform since 1965 was a failure. Another thing is that for 1965 the public consciousness could not suggest any other healthy alternative.

Ключевые слова: советская историография, экономическая реформа, историографическая версия, историографическая концепция.

Keywords: Soviet historiography, economic reform, historiographical version, historiographical conception.

Любая реформа связана с определенными издержками, т. к. она нарушает устои общества, его массовой части. Ей предстоит большая или малая перестройка жизни, приспособление к новым условиям. За этими издержками стоят проблемы как минимум отдельного человека. Поэтому с позиции гуманизма важно соизмерить эффект и парадокс каждого начинания политика. Однако публично эти детали сравнения делают не столько сами организаторы преобразований, сколько их оппоненты. Результаты такой операции становятся либо средством извлечения уроков, либо средством борьбы с властью, которая эти реформы проводила. Все это относится и к реформе 1965 г., точнее ко всему ряду реформ, которые последовали с сентября 1965 г. (а вполне возможно, и с ноября 1964 г.) и продолжались до завершения истории советской системы. У них было нечто общее, что и обеспечило относительно мирное вступление в постсоветское состояние. Но ядром этих мер стали решения сентябрьского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС.

До второй половины 1980-х гг. роль реформы 1965 г., точнее цикла преобразований в экономике после решений сентябрьского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС, понималась и трактовалась в советской историографии в основном однозначно: она рассматривалась как фактор ее развития. Даже снижение темпов этого развития с 1970-х гг. в расчет официально не принималось.

Обобщающие работы в той или иной степени обходят эту тему. На этом фоне еще заметнее стано-

вятся крайние точки зрения, которые уже сформировались в научной публицистике. В данной статье автор ставит такую цель: выявить эти точки зрения и их аргументы в отношении того, насколько реформа 1965 г. обеспечила стабильность советской системы.

Условно «ортодоксальное» и реформистское направления в рядах КПСС периода «перестройки», советская и постсоветская историография (до середины первого десятилетия XXI века) идеализировали эту реформу [17]. Главной ее идеей рассматривался отход от «вала» в оценке работы предприятия и экономики в целом. Это направление родилось среди разработчиков идеологии реформы. Оно продолжало развиваться в середине 1960-х – середине 1980-х гг. Отсчет в экономической политике авторы вели от решений сентябрьского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС. Уже в ходе процесса «перестройки» 1985 – 1991 гг. это направление потеряло свою боевитость.

Годы «перестройки» с их либерализацией начали формировать разнообразие мнений, которые вместе взятые отражали сложную реальность.

Как показала М. В. Ульянова, «Ю. Н. Афанасьеву и В. С. Лельчуку удалось показать, что экономические решения в значительной мере зависели от идеологического курса, который оставался практически неизменным» [11; 13].

Видимо, в силу этого реформа рассматривалась своевременной, но технически не проработанной до конца. Руководство не смогло осуществить ее в заранее задуманном виде: помешали некие консервативные силы. Появилась версия о консервативно

настроенных руководителях [6; 10; 13; 17]. В их действиях виделась главная причина сложностей в реализации реформ. Но заметим: (роль рядовых работников в этом случае в расчет не принималась). Называются и внешние факторы. В силу формирования некоторой политической независимости от руководства советской системы эти позиции открыто и последовательно прозвучали в исследованиях 2000-х гг. [8].

Есть и такое мнение: «Экономическим реформам середины 1960-х гг. при этом придавалось особое значение, поскольку они выходили за рамки общей логики экономического развития страны» [13].

По версии учебника А. В. Филиппова, эксперимент тем не менее был прекращен, так как он напугал, во-первых, угрозой появления безработицы, а во-вторых, страхом перед бесконтрольным использованием государственных средств [15].

Логический итог этой точке зрения подвела О. А. Ульянова: «В результате выхолащивания всех либеральных начал реформы, перехода сначала к решению лишь оперативных вопросов, а затем и к возврату директивных показателей и реставрации жёсткого централизованного управления, партийная номенклатура и министерства свели реформу на нет» [14].

В конце 1980-х – 2010-х гг. сформировалось новое видение хозяйственных преобразований позднего советского периода. Оно было высказано в сравнительно немногочисленной группе авторов. Среди них – экономист и писатель-публицист, учёный-обществовед, член Союза писателей СССР (и России), кандидат технических наук, старший научный сотрудник, в прошлом диссидент М. Ф. Антонов [3], а также практик в области ВПК и публицист С. Т. Брезкун (псевдоним: С. Кремлев) [5].

Полнее логика развития обсуждаемой темы представлена в работах М. Ф. Антонова [1; 2]. Исходными точками его концепции следует назвать два утверждения этого автора. Первое касается мнения о том, что уже неоднократно (правда, причину этого автор не называл) в СССР предпринимались попытки возрождения капитализма [1, с. 8 – 13]. И второе: «Мне непонятно, это от И. В. Сталина еще остался этот «вал», либо это в хрущевские времена что-то улучшили в экономике и придумали «вал»? Такое впечатление, что между 1953 и 1965 годом была какая-то реформа, про которую ничего не говорится, но которая как раз и породила этот пресловутый и ужасный «вал» [2].

М. Антонов обратил внимание на реальность выполнения положений реформы. «Вал» был объявлен одной из главных бед экономики. Его заменили, в частности, Прибылью, реализованной продукцией. Но это толкнуло экономику к инфляции, росту цен, к обострению дефицита, что в конечном счете обрушило систему. М. Антонов раскрыл свое понимание этого механизма.

Вот логика другого наблюдения этого автора. Реформа была встречена в стране по-разному. Многие хозяйственники увидели в ней возможность неплохо заработать. Другие предрекали развал экономики. А экономика в целом попала «из огня, да в

полюмя». Предприятия, получив значительную хозяйственную самостоятельность, изыскивали все возможности увеличения прибыли и фонда материального поощрения. У руководства Госплана прибавилось головной боли. Переход на показатель прибыли сразу подтолкнул инфляцию в стране.

Идеология реформы 1965 г. предполагала, что предприятиям дается самостоятельность, что им виднее, как использовать свою часть прибыли для развития производства. Но руководители предприятий на это не пошли. Но и работники этому не противились. Это было не случайно: в тех условиях ее можно было использовать только для роста зарплаты; для автономного развития производства не было рынка, требовался тот же план, чтобы получить финансовые, материальные и кадровые ресурсы. В итоге темпы роста зарплаты стали расти быстрее производительности труда [1, с. 351]. Еще более обострилась нехватка товаров, или, как говорят, «вырос отложенный спрос». То, что нельзя было купить товары, даже если есть деньги, вызывало растущее недовольство в народе.

Больше денег стало оставаться у предприятий – меньше поступало их в бюджет государства. Пришлось прибегнуть к испытанной палочке-выручалочке – увеличивать производство водки.

При переходе предприятий на «щекинский метод» высвобождалась рабочая сила, а на создание новых рабочих мест средств не было. Перед страной замаячила угроза безработицы, что тогда казалось советским людям совершенно немыслимым делом.

Получалось: выгоды от реформы получали оборотистые руководители предприятий, а все причиненные ею убытки должно было покрывать государство [1, с. 352].

Тогда еще никто из «верхов» не осмеливался сказать, что, допустив в качестве главного критерия прибыль, мы тем самым подчинили народное хозяйство закону максимальной прибыли со всеми вытекающими из этого последствиями, которые не заставят себя долго ждать. Чтобы оценить итоги реформы в целом, надо рассмотреть, чем новая система стала отличаться от прежней. В советской экономической системе последних лет жизни Сталина условием быстрого развития страны был механизм ежегодного снижения цен. В числе плановых заданий предприятию устанавливалась цена выпускаемых изделий, которая покрывала издержки производства и обеспечивала некоторую прибыль (при этом прибыль не была жестко связана с себестоимостью). Руководство и весь коллектив предприятия нацеливались на снижение себестоимости продукции, успехи в этом отношении поощрялись материально.

М. Антонов излагает версию А. А. Зверева, автора работы «Трезво о политике». Тот выводит механизм сталинско-фордской модели хозяйствования, в которой тоже использовался показатель «прибыль». Но там она понималась как разница между твердой на какой-то период ценой, для конкретного производителя она была административной и полученной себестоимостью. И планового значения не имела. Ее можно было получить либо путем увеличения объема производства, либо путем снижения

себестоимости. Это определял уже сам производитель: что ему было выгодно [1, с. 355].

Иным образом исчислялась прибыль при либермановско-косыгинской реформе: это была жесткая процентная доля от себестоимости. В этих условиях хозяйственник должен был решать: как ее получить – или путем увеличения себестоимости, или путем снижения себестоимости и наращивания объемов производства до того уровня, чтобы получить необходимое отчисление прибыли, а это, по сравнению с первым путем, увеличивало затраты, не гарантировало успеха, а также ставило под сомнение получение премий работникам. Естественно, выгоднее было идти первым путем [1, с. 356].

Но это развивало уже не социалистическое, а капиталистическое предпринимательство, а потому было по отношению к советскому строю асистемным явлением, развивало среди работников психологию ограниченного корпоративными и личными интересами обывателя. Не до конца осознанно советское сознание пыталось противодействовать этой линии. М. Антонов ссылаясь на пьесу драматурга А. Гельмана «Премия». Ее герои, рабочие отказывались от незаслуженной, по их мнению, премии, которая числилась за работу, не идущую на пользу стране.

Пьесу удалось довести до А. Н. Косыгина, ее поставили, по сценарию сняли художественный фильм, ее обсуждали в печати. Но выводы на уровне государственного руководства не сделали. М. Антонов объяснял это тем, что реформа стала не общенародным делом, а официально допустимой деятельностью узкого круга руководителей, которая уже не была увязана с совершенствованием советского строя. Единое народное хозяйство распалось в значительной мере на изолированные ячейки, имеющие собственную корыстную цель, а у работника вместо планетарного взгляда формировалось местечковое мировоззрение [1, с. 359 – 362; 2].

В общем реформа стала не общенародным делом, а почти подпольной, хотя и официально допустимой деятельностью узкого круга руководящих работников разных уровней. Вот они-то от премий не отказывались и весь фонд материального поощрения делили между собой.

Так новая модель расколола коллектив предприятия, погасила творческий порыв большинства работников, противопоставила интересы «верхов» и «низов». Все выгоды от «рационализации производства» теперь доставались «верхам», и они направляли деятельность предприятий так, чтобы эти выгоды были как можно большими. По сути, это была уже неформальная приватизация предприятий их руководством, которому оставалось лишь ждать, когда этот переход средств производства в их частную собственность будет оформлен законодательно. Косыгина с полным правом можно было бы назвать «верным ленинцем», он сумел незаметно для общественности внедрить новый вариант ленинского нэпа.

М. Антонов так резюмировал свои рассуждения: «Косыгинская реформа... создавала условия как бы для узаконенного вредительства» [1, с. 360]. Советская экономика пошла вразнос. Расширение само-

стоятельности предприятий на основе погони за прибылью по сути покончило с плановой системой в СССР. Единое народное хозяйство страны распалось на в значительной мере изолированные ячейки, имеющие собственную корыстную цель... «Верхи» практически утратили способность направлять деятельность предприятий в соответствии с интересами государства, потому что предприятию важнее было получить максимальную прибыль...

Говорят, рассуждал М. Антонов, что Косыгина не дали завершить его реформу партийные бюрократы, убоившиеся потери власти. Нет, Косыгин к концу своей политической деятельности сам увидел, к каким разрушительным последствиям его реформа привела: тщательный анализ показал, что примерно половину товарооборота составляли средства, полученные за счет ухудшения качества продукции и скрытого повышения цен (что сам Косыгин называл антигосударственной практикой).

Разумеется, партийный аппарат не мог равнодушно смотреть на то, как разваливается экономика, но он не был в состоянии остановить этот процесс, потому что получившие самостоятельность руководители предприятий перестали ему подчиняться. Сопrotивление партаппарата реформе было вызвано не столько опасениями краха экономики, сколько стремлением сохранить власть. Поэтому, продолжал М. Антонов, не правы те, кто утверждает, будто постепенно все в экономике вернулось назад. Движение, заданное реформой, несколько притормозили, но широкие права, данные предприятиям и союзным республикам, целиком отобрать было уже невозможно. Распад экономики стал необратимым [2].

Существенным дополнением концепции М. Ф. Антонова следует рассматривать наблюдения С. Кремлева. В частности, он обратил внимание на то, что применение в качестве основного показателя прибыли вело к снижению рентабельности производства (1917 – 1927 и 1960 – 1991 гг.). И наоборот, переход на себестоимости вело к повышению рентабельности (1928 – 1960 гг.) [7].

Вполне естественно возникает вопрос: а нужна ли была тогда реформа? Вот здесь-то история имеет дело с очередным своим парадоксом. Состояние экономики показало (у этого положения так и не сложилось оппонентов): отдача от громадных вложений ресурсов падала: свидетельством тому были убытки, низкое качество продукции, распыление капиталовложений, низкая производительность труда [4].

Но есть и более радикальная трактовка сути и, соответственно, провала реформы. Она была высказана неорганизованной группой историков и экономистов. Смысл ее сводится к тому, что советская экономическая система была принципиально не реформируемая [13], а потому сама реформа по своей сути была неприемлема для советской модели развития. Она продолжила (после принятия III Программы КПСС) процесс разрушения советской модели путем ведения в нее асистемного «червя»: индивидуального и корпоративного экономического интереса и мотива, что неизбежно привело к противопоставлению тех же индивидуальных и групповых

интересов в обществе. Эти противоречия системе не удалось разрешить, а интересы освоить и ввести в органику системы [9].

Несмотря на допущенные ошибки, период 1985 – 1991 гг. был объективно необходим обществу для осознания бесперспективности существовавшей социально-экономической системы и выработки программы перехода к новой модели развития. Значительная инерционность общественного развития не позволила избежать этого периода «переоценки ценностей», а накопленные в это время знания и навыки, идеи оказались необходимыми для последующих реформ [12].

В итоге следует отметить: реформа 1965 г., точнее весь ряд реформ, которые последовали с сентября 1965 г., не имеет и не может иметь однозначной оценки. Существующие парадигмы изложения отражают позиции разных общественных сил, что открывает простор для широкого обсуждения. Это связано с тем, что процесс реформирования оказался достаточно «всеядным», обслуживая как текущие интересы власти и частично граждан, так и перспективную логику трансформации советской системы в постсоветскую. Поэтому она обеспечила как стабилизацию системы после рывков практически первых 40 лет ее существования, так и формирования, кон-

солидации «теневых» процессов и сил в рамках Советской системы. Изменение соотношения внутренних интересов в СССР обеспечило поэтапное изменение процесса реформирования. Но сохранялась связующая нить: обеспечение частного и корпоративного интереса. Последние перемены в рамках Советской системы, например, отмена централизованного ограничения на зарплату, начало скрытой приватизации в разных формах на фоне дискуссий о свободных экономических зонах и региональным хозрасчете, вполне логичны с изначальными замыслами советского реформирования начала 1960-х гг.

Поэтому процесс реформирования от 1965 г. в конечном счете для советской модели образца 1917 – 1953 гг. стал поражением, но по отношению к современному пониманию правового социального государства его следует отнести к успешному варианту исторического «термидора» или перехода от леворадикального преобразования (модернизации) общества к реставрации рынка, но менее дикого, чем тот, от которого страна ушла в первой четверти XX века. Иначе говоря, стабильность собственно советской системе она не обеспечила, но дала возможность сохранить историческое пространство для дальнейших исторических экспериментов.

Литература

1. Антонов М. Капитализму в России не бывать! Выход есть! М.: Яуза, Эксмо, 2005.
2. Антонов М. Цена реформаторства (Косыгинская реформа). 2004. URL: <http://www.iraq-war.ru/article/207041> (дата обращения: 19.02.2014).
3. Антонов Михаил Фёдорович (учёный): материал из Википедии – свободной энциклопедии. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Антонов,_Михаил_Фёдорович_\(учёный\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Антонов,_Михаил_Фёдорович_(учёный)) (дата обращения: 3 04 2014).
4. Боффа Дж. От СССР к России. История неоконченного кризиса. 1964 – 1994: пер. с ит. Л. Я. Хаустовой. М.: Междунар. отношения, 1996. 320 с. URL: http://scepsis.net/library/id_811.html (дата обращения: 20.02.2014).
5. Брезкун Сергей Тарасович: материал из Википедии – свободной энциклопедии. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Брезкун,_Сергей_Тарасович (дата обращения: 3.04.2014).
6. История социалистической экономики СССР в семи томах / редкол.: И. А. Гладков (отв. ред.) и др. М.: Наука, 1979. Т. 7.
7. Кремлев С. СССР – империя Добра. М.: Яуза, 2009. СССР. URL: http://publ.lib.ru/ARCHIVES/K/KREMLEV_Sergey/_Kremlev_S..html#11 (дата обращения: 4.04.2012).
8. Лазарева Л. Н. Экономическая реформа А. Н. Косыгина: дис. ... канд. ист. наук. М., 2011. 269 с. URL: <http://www.dissercat.com/content/ekonomicheskaya-reforma-kosygina> (дата обращения: 18.02.2014).
9. Предвестник разрушения СССР – реформа Косыгина – ЛИБЕРМАНА 1965 г. URL: <http://www.uznai-gravdu.ru/viewtopic.php?f=29&t=1688&start=0> (дата обращения: 18.02.2014).
10. Ратьковский И. С., Ходяков М. В. История советской России; редкол. серии "ИСТОРИЯ РОССИИ": Ю. В. Кривошеев, А. Ю. Дворниченко, П. А. Кротов, А. В. Петров, Ю. А. Сандулов, М. В. Ходяков. М.: Лань, 2001. URL: <http://www.bibliotekar.ru/sovetskaya-rossiya/96.htm> (дата обращения: 7.03.2014).
11. Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал / под ред. Ю. Н. Афанасьева и В. С. Лельчука. М., 1997. Т. 2.
12. Спичков М. В. Социально-экономическое развитие СССР в 1985 – 1991 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2008. 194 с. URL: <http://www.dissercat.com/content/sotsialno-ekonomicheskoe-razvitie-sssr-v-1985-1991-gg#ixzz2uXdxtuTF> (дата обращения: 14.03.2014).
13. Ульянова М. В. Тенденции и противоречия реформирования экономической модели развитого социализма в СССР в 1965 – 1991 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М.: 2011. 208 с. URL: http://dissland.com/catalog/tendentsii_i_protivorechiya_reformirovaniya_ekonomicheskoy_modeli_razvitogo_sotsializma_v_sssr_v_196.html (дата обращения: 27.02.2014).
14. Ульянова О. А. Советская экономическая система как объект реформирования: 1965 – 1967 гг.: дис. ... канд. экон. наук. М., 2011. 180. URL: <http://www.dissercat.com/content/sovetskaya-ekonomicheskaya-sistema-kak-obekt-reformirovaniya-1965-%E2%80%93-1967-gg> (дата обращения: 27.02.2014).
15. Филиппов А. В. Новейшая история России. 1945 – 2006 гг. М., 2007. URL: <http://economics-kiev.ua/index.php?id=533&view=article> (дата обращения: 21.11.2012).

16. Экономическая реформа Косыгина. URL: <http://www.ftr-culture.ru/worldhartekonomicheskaya-reforma-kosygina> (дата обращения: 6.03.2014).

17. Экономическая реформа 1965 года в СССР: материал из Википедии – свободной энциклопедии. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Экономическая_реформа_1965_года_в_СССР (дата обращения: 18.02.2014).

Информация об авторе:

Мишенин Сергей Евгеньевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры новейшей отечественной истории факультета истории и международных отношений КемГУ, Sergey Mishenin s-e-m-57@mail.ru.

Sergey E. Mishenin – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of Contemporary Russian History, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 31.07.2014 г.